HX
1241
.1
.BAK

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СВОБОДА".

Духъ разрушенія есть въ то-же время созидающій духъ.
Бакунинъ.

Михаилъ Бакунинъ.

ПОЛИТИКА ИНТЕРНАЦІОНАЛА.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

П. КРОПОТКИНА.

МОСКВА.

1906.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СВОБОДА“.

Духъ разрушенія есть въ то—же время созидающій духъ.
Бакунинъ.

Михаилъ Бакунинъ.

ПОЛИТИКА ИНТЕРНАЦІОНАЛА.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

П. КРОПОТКИНА.

МОСКВА.
1906.

5к 3 и экз

„Пров 38"

НХ
124
1

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
2971
24

М. А. БАКУНИНЪ.

Старикъ Бланки нерѣдко говорилъ, что значеніе событій измѣряется не столько ихъ непосредственными результатами, сколько ихъ косвенными послѣдствіями, которыя всегда бываютъ гораздо важнѣе первыхъ.

Точно также, говоря о Бакунинѣ, слѣдуетъ оцѣнивать его значеніе не по тому, что онъ сдѣлалъ лично, сколько по вліянію, которое онъ оказывалъ на окружавшихъ его людей — на ихъ мысли и на ихъ дѣятельность.

Его литературное наслѣдіе не велико. „Государственность и Анархія", „Историческое Развитіе Интернаціонала", „Богъ и Государство" (Dieu et l'Etat).— вотъ три написанныя имъ небольшія книги. Остальное — „Кнуто-Германская Имперія", „Письма Французу о настоящемъ кризисѣ", „Теологическая политика и Мадзини", „Бернскіе медвѣди" и пр..—все это брошюры, написанныя по данному вопросу минуты. Даже вышеназванныя три книги имѣютъ такое же происхожденіе. Бакунинъ садился съ цѣлью написать брошюру въ отвѣтъ на запросъ дня. Но его брошюра разросталась въ книгу, потому что при его глубокомъ пониманіи философіи исторіи, и съ его громаднымъ запасомъ знанія современныхъ событій, ему приходилось столько сказать что, страницы быстро покрывались одна за другою.

Если вспомнить все то, что онъ и его друзья—а его друзья были Герценъ, Огаревъ, Мадзини, Ледрю-Ролленъ и всѣ лучшіе люди и дѣятели революціоннаго періода сороковыхъ годовъ въ Европѣ — передумали объ

этихъ, пережитыхъ ими драмахъ, надеждахъ, разочарованіяхъ; если вспомнить все что они пережили во время полныхъ надеждъ 1848-го года и послѣдовавшей за тѣмъ реакціи,—легко понять, какъ мысли, образы, доводы, почерпнутые изъ знанія жизни, должны были роиться въ головѣ Бакунина, и почему его философско-историческія воззрѣнія такъ щедро пересыпаны фактами и сужденіями изъ современной дѣйствительности.

Любопытно однако, что каждая брошюра Бакунина отмѣчала поворотную точку въ исторіи революціонной мысли въ Европѣ. Его рѣчь на конгрессѣ „Мира и Свободы" была вызовомъ, брошеннымъ всѣмъ радикаламъ Европы. Бакунинъ объявлялъ въ ней, что эпоха радикализма сороковыхъ годовъ закончена, и наступаетъ новый фазисъ революціонной жизни—эра рабочаго соціализма; что рядомъ съ вопросомъ о политической свободѣ, встаетъ вопросъ объ экономической независимости, и этотъ вопросъ будетъ впредь преобладать въ исторіи. Его брошюра, обращенная къ мадзиніанцамъ, возвѣщаетъ конецъ чисто политической революціонной конспираціи ради національнаго освобожденія и начало соціалистической революціи, а также конецъ сантиментальнаго соціалистическаго христіанства и начало атеистическаго коммунистическаго реализма въ исторіи. Письмо Герцену объ Интернаціоналѣ и базаровскомъ реализмѣ, имѣетъ тотъ-же смыслъ для Россіи.

„Бернскіе медвѣди"—прощальное слово швейцарскому буржуазному демократизму, а „Письма французу", написанныя во время войны 1870—71 года, составляютъ отходную Гамбетовскому радикализму и возвѣщеніе той новой эры, которую вскорѣ открыла собою Парижская коммуна, отбросившая идею луи-блановскаго государственнаго соціализма и возвѣстившая новую идею городского коммунальнаго коммунизма. Коммуна, встающая на защиту своей территоріи и начинающая у себя соціальную революцію—вотъ что рекомендовалъ онъ въ этихъ „Письмахъ" противъ Нѣмецкаго вторженія.

„Кнуто-Германская имперія", — брошюра, которую такъ ненавидятъ нѣмецкіе соціаль-демократы — пророческій крикъ стараго революціонера, понявшаго уже тогда (1871) весь ужасъ реакціи, которая охватитъ Европу на цѣлые тридцать сорокъ лѣтъ вслѣдствіе торжества Бисмарковскаго военнаго государства, а съ нимъ вмѣстѣ—и государственнаго соціализма, котораго крестнымъ отцомъ въ Германіи былъ тотъ же Бисмаркъ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ означала крутой поворотъ въ сторону безгосударственнаго коммунизма, — анархіи — въ латинскихъ странахъ.

Наконецъ, „Государственность и Анархія", „Историческое развитіе Интернаціонала" и „Богъ и Государство,"—не смотря на боевую, памфлетную форму, которую они получили, такъ какъ писались ради злобы дня,—содержатъ для вдумчиваго читателя больше политической мысли и больше философскаго пониманія исторіи, чѣмъ масса трактатовъ, университетскихъ и соціаль-государственныхъ, въ которыхъ отсутствіе мысли прикрывается туманною, неясною, а слѣдовательно непродуманною діалектикою. Въ нихъ нѣтъ готовыхъ рецептовъ. Люди, ждущіе отъ книги разрѣшенія всѣхъ своихъ сомнѣній, безъ собственной работы мысли, не найдутъ этого у Бакунина. Но если вы способны думать самостоятельно, если вы способны не идти слѣпо за авторомъ, а смотрѣть на книгу, какъ на матеріалъ для мышленія, какъ на умную бесѣду, вызывающую въ васъ умственную работу, тогда горячія, мѣстами безпорядочныя, а мѣстами блестящія обобщенія Бакунина помогутъ вашему революціонному развитію несравненно больше, чѣмъ всѣ вышеупомянутые трактаты, написанные съ цѣлью увѣрить васъ, что вы годны только для повиновенія и должны слѣпо идти за авторомъ—въ вашей мысли,—и за главаремъ—въ вашей дѣятельности.

Впрочемъ, главная сила Бакунина была не въ его писаніяхъ. Она была въ его личномъ вліяніи на людей. Онъ сдѣлалъ Бѣлинскаго тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ для

Россіи: типомъ неподкупнаго революціонера, соціалиста и нигилиста, который воплотился впослѣдствіи въ нашей чудной молодежи семидесятыхъ годовъ. Онъ возродилъ его.—„Ты мой духовный отецъ", писалъ ему самъ Бѣлинскій. А какою громадною силою былъ Бѣлинскій для русскаго развитія—мы знаемъ.

Въ Парижѣ въ 1847 году (въ этомъ году его изгнали) и въ Германіи въ 1848 году его вліяніе на лучшихъ людей своего времени было громадно. Бернардъ Шоу разсказываетъ въ полушутливой формѣ (The Perfect Wagnerite), что въ своемъ Зигфридѣ, не знающемъ страха и увлекающемъ своею любовью Брунгильду, Вагнеръ воплотилъ Бакунина. Онъ воплотилъ, конечно, не Бакунина въ частности, а смѣлаго дерзкаго революціонера вообще. Но нѣтъ сомнѣнія, что и на Вагнера, какъ и на Жоржъ Зандъ, и на Герцена съ Огаревымъ, и на весь кружокъ соціалистической Франціи, жившій тогда въ Парижѣ, и на Молодую Германію, и на Молодую Италію, и на Молодую Швецію Бакунинъ оказалъ въ свое время громадное вліяніе.—„Къ нему нельзя было подойти, не заразившись его революціонною горячкою", говорили объ немъ его современники.

Такимъ же оказался онъ, когда, бѣжавши въ 1862 году изъ Сибири, онъ появился снова среди своихъ друзей въ Лондонѣ. Герценъ, какъ извѣстно, описалъ его появленіе въ Лондонѣ и слегка подсмѣивался надъ тѣмъ, какъ Бакунинъ пропагандировалъ всякихъ славянъ. Весьма возможно, и навѣрно такъ и было, что Бакунинъ часто возлагалъ больше надеждъ на подходившихъ къ нему людей, чѣмъ они того заслуживали.—Но развѣ того же нельзя сказать о Мадзини, о всякомъ искреннемъ революціонерѣ? Оттого, можетъ быть, онъ и обладалъ такою магическою силою, что вѣрилъ въ человѣка, вѣрилъ въ то, что великое дѣло, къ которому онъ его пріобщалъ, пробудитъ въ человѣкѣ то, что въ немъ есть лучшаго. И оно дѣйствительно пробуждало,

и подъ вліяніемъ Бакунина человѣкъ давалъ революціи въ короткое время все лучшее, на что былъ способенъ.

Герценъ разсказываетъ въ шутливомъ тонѣ, какъ Бакунинъ пропагандировалъ и посылалъ людей на дѣло. Но—правда ли, что онъ дѣйствительно такъ ошибался въ людяхъ?... Развѣ люди, которыхъ онъ вдохновлялъ въ Италіи, въ Швейцаріи, во Франціи, развѣ Варленъ, Элизе Реклю, Кафьеро, Малатеста, Фанелли (его эмиссаръ въ Испаніи), Гильомъ Швицгебель и т. д., сгруппировавшіеся вокругъ него въ знаменитой Alliance, не были лучшіе люди латинскихъ расъ въ эту великую эпоху? Мнѣ кажется, что его оцѣнка людей была наоборотъ, поразительно вѣрна. Прочтите, напримѣръ, то, что онъ писалъ объ Нечаевѣ, котораго и сильныя и слабыя стороны онъ опредѣлилъ такъ поразительно вѣрно, что мы теперь ничего не можемъ прибавить къ его оцѣнкѣ. Кто же лучше его понялъ Николая Утина—этого женевскаго божка марксистовъ?

Еще одно. Всего поразительнѣе и всего поучительнѣе для насъ — высокій нравственный уровень людей, сгруппировавшихся вокругъ Бакунина, но я зналъ близко большую часть людей, сгруппировавшихся въ Интернаціоналѣ вокругъ него и поэтому такъ неумолимо преслѣдовавшихся ненавистью Маркса, Энгельса и Либкнехта. И я смѣло утверждаю въ лицо ихъ ненавистникамъ, что каждый изъ выше названныхъ мною дѣятелей федеративнаго Интернаціонала представлялъ собою крупную нравственную личность. Исторія, я знаю подтвердитъ эту харастеристику и, конечно, выскажетъ при этомъ сожалѣніе, что въ средѣ ихъ противниковъ—по крайней мѣрѣ въ лицѣ ихъ главныхъ руководителей,—былъ, можетъ быть, умъ, но нравственныя начала не достигали такой же высоты и твердости, какъ среди названныхъ мною друзей Бакунина.

Что касается, наконецъ, значенія дѣятельности Бакунина въ Интернаціоналѣ, то я охарактеризовалъ роль

„бакунистовъ“, говоря въ моихъ „Запискахъ“ о Юрской Федераціи.

Въ эпоху, когда разгромъ Франціи, избіеніе Парижскихъ пролетаріевъ послѣ Коммуны и военное торжество Нѣмецкой Имперіи открыли періодъ реакціи, продолжающейся понынѣ и когда Марксъ со своими друзьями помощью подпольныхъ интригъ захотѣлъ обратить всю дѣятельность рабочаго Интернаціонала, созданнаго для прямой борьбы съ капитализмомъ, въ орудіе парламентской агитаціи на пользу обуржуазившихся соціалистовъ—бывшихъ людей“,—тогда федеративный Интернаціоналъ, вдохновляемый Бакунинымъ, выступилъ единственнымъ въ то время оплотомъ противъ общеЕвропейской реакціи.

Ему мы обязаны въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что въ латинскихъ странахъ остался живымъ революціонный духъ, который нашелъ въ рабочихъ латинскихъ массахъ новую живую силу, чтобы бороться съ рѣзкимъ поворотомъ на лѣво кругомъ среди нѣкогда радикальной буржуазіи.

И среди этой молодой живой силы, объявившей на свой страхъ безъ всякой поддержки со стороны буржуевъ войну всему старому міру,—въ этой средѣ развился, наконецъ, современный анархическій коммунизмъ, съ его идеаломъ равенства экономическаго и политическаго и его смѣлымъ отрицаніемъ всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.

Таковы заслуги Бакунина въ исторіи.

П. Кропоткинъ.

Политика Интернаціонала.

I

„Мы думали до сихъ поръ", говоритъ газета „la Montagne" „что какъ политическія, такъ и религіозныя убѣжденія человѣка находятся въ полнѣйшей независимости отъ принадлежности его къ Интернаціоналу. Что касается насъ, то мы придерживаемся такой точки зрѣнія."

На первый взглядъ можетъ показаться, что г. Куллери *) правъ. Дѣйствительно, Интернаціоналъ, принимая новаго члена въ свою среду, не спрашиваетъ у него религіозенъ ли онъ или атеистъ, принадлежитъ ли онъ къ той или другой политической партіи. Онъ просто спрашиваетъ у него: рабочій ли ты? И если нѣтъ, то хочешь ли, чувствуешь ли потребность и силу искренно и всецѣло отдаться дѣлу рабочихъ, посвятить себя ему, оставляя въ сторонѣ всякія другія стремленія, идущія въ разрѣзъ съ интересами рабочихъ?

Чувствуешь ли ты, что рабочіе, которые производятъ всѣ богатства міра, которые являются творцами циви-

*) Куллери—главный редакторъ цитированной газеты, членъ Интернаціонала, хотя въ соціалистическомъ отношеніи очень неопредѣленная личность.

лизаціи, которые завоевали всѣ буржуазныя свободы, сами осуждены выносить нищету, невѣжество и рабство? Понялъ ли ты, что главной причиной всѣхъ несчастій рабочаго класса является нищета? И что эта нищета, составляющая удѣлъ рабочихъ всего міра, является необходимымъ слѣдствіемъ экономическаго строя современнаго общества, а именно слѣдствіемъ порабощенія труда, т. е. пролетаріата—капиталомъ, т. е. буржуазіей?

Понялъ ли ты, что между пролетаріатомъ и буржуазіей всегда существуетъ непримиримый антагонизмъ, такъ какъ онъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ихъ взаимныхъ отношеній? Что благоденствіе буржуазнаго класса несовмѣстимо съ благосостояніемъ и свободой рабочихъ, ибо оно основано на эксплуатаціи и рабствѣ труда и, что по той же причинѣ, процвѣтаніе и развитіе чувства человѣческаго достоинства въ рабочихъ массахъ требуетъ уничтоженія буржуазіи, какъ отдѣльнаго класса? Что, слѣдовательно, борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей — неизбѣжна и можетъ окончиться только съ уничтоженіемъ послѣдней?

Понялъ ли ты, что ни одинъ рабочій, какъ бы развитъ и энергиченъ онъ не былъ, не способенъ въ отдѣльности бороться противъ столь хорошо организованнаго могущества буржуазіи, представителемъ и опорой которой является государство, всякое государство? Что для того, чтобы стать сильнымъ, ты долженъ объединиться не съ буржуазіей, что было бы съ твоей стороны глупостью или преступленіемъ, такъ какъ всѣ буржуа, какъ таковые, наши непримиримые враги; и не съ рабочими-измѣнниками, которые настолько подлы, что готовы испрашивать благосклонность буржуазіи,—но объединиться съ честными энергичными рабочими, искренно стремящимися къ тому, чего жаждешь и ты?

Понялъ ли ты, что, имѣя передъ собою могучую коалицію всѣхъ привиллегированныхъ классовъ, всѣхъ

собственниковъ, капиталистовъ и всѣхъ государствъ міра, отдѣльный изолированный союзъ, мѣстной или національный, принадлежащій хотя бы къ одной изъ величайшихъ странъ Европы, никогда не можетъ побѣдить; и для того что бы устоять противъ этой коалиціи и сокрушить ее, необходимо объединеніе всѣхъ рабочихъ организацій, мѣстныхъ и національныхъ, въ одинъ всемирный союзъ, необходимъ *великій международный союзъ рабочихъ всѣхъ странъ!*

Если ты это чувствуешь, или ты это все хорошо понялъ и если ты дѣйствительно всего этого хочешь— прійди къ намъ, каковы бы ни были твои политическія и религіозныя убѣжденія. Но для того чтобы мы тебя приняли, ты долженъ намъ обѣщать: во первыхъ, подчинить отнынѣ твои личныя интересы, даже интересы твоей семьи, а также и проявленія твоихъ политическихъ и религіозныхъ убѣжденій, высшимъ интересамъ нашего союза: борьбѣ труда съ капиталомъ, рабочихъ съ буржуазіей на экономической почвѣ; во вторыхъ, никогда не вступать въ сдѣлки съ буржуазіей въ виду личныхъ выгодъ; въ третьихъ, никогда не стремиться возвыситься изъ за личныхъ выгодъ надъ рабочей массой, что сдѣлало бы изъ тебя буржуа — врага и эксплуататора пролетаріата, такъ какъ вся разница между буржуа и рабочими та, что первые ищутъ своего блага всегда внѣ коллективности, а вторые ищутъ и желаютъ добыть его вмѣстѣ со всѣми тѣми, которые работаютъ и которыхъ эксплуатируетъ классъ буржуазіи; въ четвертыхъ, быть всегда вѣрнымъ рабочей солидарности, такъ какъ на малѣйшую измѣну этой солидарности Интернаціоналъ смотритъ, какъ на величайшее преступленіе и какъ на величайшую гнусность, которую только можетъ совершить рабочій. Однимъ словомъ, ты долженъ сполна и искренно принять наши общіе статуты, ты долженъ дать торжественное обѣщаніе сообразовать съ нами отнынѣ всѣ твои дѣйствія и всю твою жизнь.

Мы думаемъ, что основатели Интернаціонала поступили очень умно, не касаясь первоначально въ программѣ Союза политическихъ и религіозныхъ вопросовъ. У нихъ самихъ были, несомнѣнно, ясные и опредѣленные политическіе и антирелигіозные взгляды, но они воздержались отъ занесенія ихъ въ программу, такъ какъ главной ихъ цѣлью было прежде всего объединеніе рабочихъ массъ всего цивилизованнаго міра, ради общаго дѣла. Они должны были искать общаго основанія, рядъ простыхъ принциповъ, на которыхъ могли бы сойтись всѣ рабочіе, каковы бы ни были ихъ политическія и религіозныя заблужденія, лишь бы они были дѣйствительные рабочіе, т. е. тяжело эксплуатируемые и страдающіе.

Если бы они подняли знамя какой нибудь политической или антирелигіозной школы, они никогда не объединили бы рабочихъ Европы, но еще болѣе разъединили бы ихъ. Такъ какъ благодаря невѣжеству рабочихъ, корыстолюбивая и въ высшей степени развращающая пропаганда священниковъ, правительствъ и всѣхъ буржуазныхъ политическихъ партій, не исключая и наиболѣе красныхъ, распространила множество ложныхъ взглядовъ среди рабочихъ массъ, и эти ослѣпленныя массы, къ несчастью еще слишкомъ часто увлекаются всякими измышленіями, имѣющими цѣлью заставить ихъ добровольно и глупо, въ ущербъ своимъ интересамъ, служить интересамъ привеллигированныхъ классовъ

Впрочемъ, до сихъ поръ существуетъ слишкомъ большая разница въ степени промышленнаго, политическаго, умственнаго и нравственнаго развитія рабочих массъ разныхъ странъ, чтобы можно было ихъ объединить въ настоящее время одной и той же политической и антирелигіозной программой. Сдѣлать такую программу программой Интернаціонала, а также и необходимымъ условіемъ вступленія въ этотъ союзъ значило бы орга-

низовать секту, а не всемірный союзъ, значило бы погубить Интернаціоналъ.

Есть еще другая причина, заставившая удалить вначалѣ изъ программы Интернаціонала, по крайней мѣрѣ кажущимся образомъ, и только кажущимся образомъ, всякую политическую тенденцію.

До сихъ поръ, со времени возникновенія исторіи, не было еще политики народа; подъ словомъ „народъ“ мы подразумѣваемъ „рабочую чернь“, которая кормитъ весь міръ своимъ трудомъ. До сихъ поръ существовала политика только привиллегированныхъ классовъ. Эти классы пользовались мускульной силой народа, чтобы свергать другъ друга съ трона и занимать мѣсто свергнутыхъ. Народъ въ свою очередь всегда принималъ сторону однихъ противъ другихъ только въ смутной надеждѣ, что по крайней мѣрѣ какая нибудь изъ этихъ политическихъ революцій, изъ которыхъ ни одна не могла обойтись безъ него, но ни одна не была совершена для него, принесетъ ему нѣкоторое облегченіе въ его нищетѣ и въ его вѣковомъ рабствѣ. И онъ всегда обманывался. Даже великая французская революція, и та его обманула. Она убила дворянскую аристократію, но посадила на ея мѣсто буржуазію: народъ не зовется больше ни рабомъ, ни крѣпостнымъ, онъ провозглашенъ свободнымъ, обладающимъ всѣми правами, но фактически его рабство и нищета остались все тѣми же.

И они останутся тѣми же до тѣхъ поръ, пока народныя массы будутъ служить орудіемъ буржуазной политики, будетъ ли эта политика называться консервативной, либеральной, прогрессивной, радикальной и даже если она придастъ себѣ самый революціонный видъ. Ибо всякая буржуазная политика, каковы бы ни были ея цвѣтъ и названіе, можетъ имѣть въ сущности только одну цѣль: *удержаніе господства буржуазіи; господство же буржуазіи есть рабство пролетаріата.*

Что же долженъ былъ дѣлать Интернаціоналъ? Онъ

долженъ былъ прежде всего устранить рабочую массу отъ всякой буржуазной политики, долженъ былъ исключить изъ своей программы всѣ буржуазно-политическія программы. Но въ моментъ его возникновенія во всемъ мірѣ не было иной политики, кромѣ политики церкви, монархіи, аристократіи или буржуазіи. Послѣдняя, въ въ особенности политика радикальной буржуазіи, была несомнѣнно болѣе либеральной и гуманной, нежели всѣ другія, но всѣ они были одинаково основаны на эксплуатаціи рабочихъ массъ и не имѣли въ дѣйствительности другой цѣли, какъ оспаривать другъ у друга монополію этой эксплуатаціи. Интернаціоналъ долженъ былъ, стало быть, начать съ расчистки почвы и, такъ какъ всякая политика съ точки зрѣнія освобожденія труда была тогда запятнана реакціонными элементами, Интернаціоналъ долженъ былъ выбросить изъ своей среды всѣ извѣстныя политическія системы, чтобы основать на этихъ развалинахъ буржуазнаго міра настоящую политику рабочихъ, политику Международнаго Союза.

II.

Основатели международнаго союза рабочихъ поступили тѣмъ болѣе умно, избѣгая класть въ основу этого союза принципы политическіе и философскіе, и придавая ему вначалѣ характеръ исключительно экономической борьбы труда съ капиталомъ, что они были увѣрены, что когда рабочій вступитъ на эту почву, что когда, проникаясь сознаніемъ своего права и своей численной силы, онъ начнетъ совмѣстно со своими товарищами борьбу противъ буржуазной эксплуатаціи,— онъ въ силу естественнаго хода вещей и развитія борьбы дойдетъ скоро до признанія всѣхъ политическихъ, философскихъ и соціалистическихъ принциповъ Интернаціонала, которые въ сущности являются только истиннымъ выраженіемъ его исходной точки и его цѣли.

Мы изложили эти принципы въ нашихъ послѣднихъ номерахъ *). Съ точки зрѣнія политической и соціальной они имѣютъ необходимымъ слѣдствіемъ уничтоженіе классовъ, а слѣдовательно класса буржуазіи, являющейся въ настоящее время господствующимъ классомъ; уничтоженіе всѣхъ территоріальныхъ государствъ, всѣхъ политическихъ отечествъ и созданіе на ихъ развалинахъ великой международной федераціи всѣхъ производительныхъ группъ, національныхъ и мѣстныхъ. Что же касается точки зрѣнія философской, то, имѣя въ виду осуществленіе человѣческаго идеала, человѣческаго счастья, равенства, справедливости и свободы на землѣ, они дѣлаютъ тѣмъ самымъ безполезными всякія упованія на небо и надежды на лучшее будущее на томъ свѣтѣ, и будутъ имѣть, стало быть, столь же необходимымъ слѣдствіемъ — уничтоженіе всѣхъ культовъ и религіозныхъ системъ.

Объявите прежде всего эти обѣ цѣли невѣжественнымъ рабочимъ, обремененнымъ ежедневной работой и деморализованнымъ, заключеннымъ, какъ бы въ тюрьму, въ рамки развратныхъ доктринъ, которыми правительство, въ союзѣ со всѣми привиллегированными кастами: священниками, дворянствомъ, буржуазіей, ихъ щедро осыпаетъ, и вы ихъ испугаете. Они быть можетъ, васъ оттолкнутъ, не подозрѣвая, что всѣ эти идеи суть ничто иное, какъ самое точное выраженіе ихъ собственныхъ интересовъ, что цѣли эти заключаютъ въ себѣ осуществленіе наиболѣе дорогихъ ихъ желаній, и что напротивъ, политическіе и религіозные предразсудки, во имя которыхъ они ихъ отвергнутъ быть можетъ, — являются прямой причиной продолженія ихъ рабства и нищеты.

Нужно отличать предразсудки народныхъ массъ отъ предразсудковъ привиллегированнаго класса. Предразсудки массъ какъ мы только что это показали, осно-

*) Въ газетѣ „Égalité“, которая выходила въ Женевѣ въ то время.

ваны на ихъ невѣжествѣ и они совершенно противоположны ихъ интересамъ, тогда какъ предразсудки буржуазіи основаны именно на интересахъ этого класса и только благодаря коллективному эгоизму буржуазіи могутъ устоять противъ разлагающаго вліянія самой буржуазной науки.

Народъ хочетъ, но не знаетъ; буржуазія знаетъ, но не хочетъ. Кто изъ нихъ неизлѣчимъ? Несомнѣнно буржуазія.

Общее правило: можно только обратить тѣхъ, кто чувствуетъ потребность въ этомъ, только тѣхъ, кто уже носитъ въ глубинѣ своихъ инстинктовъ, въ условіяхъ своего бѣдственнаго существованія, внѣшнихъ или внутреннихъ, то, что вы хотите имъ дать; но не тѣхъ, кто не ощущаетъ никакой потребности въ перемѣнѣ, и не тѣхъ также, которые, несмотря на то, что желая выйти изъ положенія, коимъ они недовольны, въ силу своихъ нравственныхъ, умственныхъ и общественныхъ привычекъ, стремятся искать перемѣнъ въ такой сферѣ, которая ничего не имѣетъ общаго съ міромъ вашихъ идей.

Попробуйте обратить въ соціализмъ дворянина, стремящагося къ богатству, буржуа, желающаго стать дворяниномъ, или даже рабочаго, который всѣми силами души своей стремится къ тому, чтобы стать буржуа! Обратите настоящаго или воображаемаго аристократа ума, ученаго, полу-ученаго, четверть-ученаго, десятую, сотую часть ученаго, которые всѣ полны ученаго чванства и часто только потому, что имѣли счастье коекакъ осилить нѣсколько книгъ, полны высокомѣрнаго презрѣнія къ безграмотнымъ массамъ и воображаютъ, что призваны образовать новую господствующую, т. е. эксплуатирующую касту.

Никакія разсужденія, никакая пропаганда никогда не будетъ въ состояніи обратить этихъ несчастныхъ. Чтобы убѣдить ихъ, существуетъ только одно средство: это — уничтоженіе самой возможности существованія

привиллегій, всякаго господства и всякой эксплуатаціи; это—соціальная революція, которая, сметая все, что составляетъ неравенство въ мірѣ, сдѣлаетъ ихъ нравственными, принудивъ искать счастья въ равенствѣ и солидарности.

Иначе обстоитъ дѣло съ дѣйствительными рабочими. Подъ дѣйствительными рабочими мы подразумѣваемъ всѣхъ тѣхъ, которые дѣйствительно задавлены бременемъ труда, всѣхъ тѣхъ, положеніе которыхъ настолько непрочно и жалко, что никому изъ нихъ, исключая развѣ какіе нибудь рѣдкіе случаи, не можетъ даже притти въ голову мысль добыть для *себя самого*, и только для себя, лучшее положеніе при существующихъ экономическихъ условіяхъ и въ современной соціальной средѣ стать, напримѣръ, въ свою очередь, хозяиномъ или государственнымъ совѣтникомъ. Мы включаемъ безусловно въ ту же категорію рѣдкихъ и благородныхъ рабочихъ, которые, имѣя возможность возвыситься надъ рабочимъ классомъ, не хотятъ этимъ воспользоваться, предпочитая лучше выносить еще нѣкоторое время, вмѣстѣ со своими товарищами по несчастью, буржуазную эксплуатацію, нежели стать самимъ эксплуататорами. Этихъ нѣтъ надобности обращать; они чистые соціалисты.

Мы говоримъ объ огромной массѣ рабочихъ, которые, изнуренные ежедневной работой, невѣжественны и несчастны. Эта масса, каковы бы ни были ея политическіе и религіозные предразсудки, сдѣлавшіеся отчасти преобладающимъ элементомъ въ ея сознаніи, благодаря стараніямъ буржуазіи, является *безсознательно соціалистической*. Она инстинктивно и въ силу самого своего положенія гораздо серьезнѣе и глубже соціалистична, чѣмъ всѣ научные и буржуазные соціалисты вмѣстѣ взятые. Она является-соціалистичной въ силу всѣхъ условій своего матеріальнаго существованія, въ силу всѣхъ потребностей своего существа, а не въ.

силу потребности мысли, какъ это происходитъ у послѣднихъ; въ дѣйствительной жизни потребности перваго рода имѣютъ гораздо большую силу, чѣмъ потребности мысли, которая здѣсь, какъ и повсюду, всегда является выраженіемъ личности, отраженіемъ ея послѣдовательнаго развитія, но никогда не можетъ быть ея принципомъ.

У рабочихъ нѣтъ недостатка ни въ реальности, ни въ необходимости соціалистическихъ стремленій, имъ недостаетъ лишь соціалистической мысли; то къ чему каждый рабочій стремится всей своей душой, это — вполнѣ человѣческое существованіе, какъ въ смыслѣ матеріальнаго благосостоянія такъ и въ смыслѣ умственнаго развитія, существованіе, основанное на справедливости, т. е. на равенствѣ и свободѣ каждаго и всѣхъ въ трудѣ; этотъ идеалъ, являющійся инстинктивно у того, кто живетъ своимъ собственнымъ трудомъ, не можетъ, конечно, осуществиться при современномъ политическомъ и соціальномъ строѣ, покоящемся на несправедливости и циничной эксплуатаціи рабочихъ массъ. А потому каждый настоящій рабочій необходимо является революціонеромъ и соціалистомъ, ибо его освобожденіе можетъ осуществиться только посредствомъ ниспроверженія всего того, что существуетъ нынѣ. Или эта организація несправедливости, со всѣми ея ставленными на показъ своими криводушными законами, должна погибнуть, или же рабочія массы будутъ осуждены на вѣчное рабство.

Въ этомъ заключается соціалистическая мысль, зародышъ которой находится въ инстинктѣ каждаго дѣйствительнаго рабочаго. Цѣль, значитъ, состоитъ въ томъ, чтобы дать рабочему полное сознаніе того, что онъ хочетъ, пробудить въ немъ мысль, соотвѣтствующую его инстинкту, ибо когда мысль рабочихъ массъ поднимается до уровня ихъ инстинкта, воля ихъ опредѣлится и могущество ихъ станетъ несокрушимо.

Что еще мѣшаетъ болѣе быстрому развитію этой

спасительной мысли въ средѣ рабочихъ массъ?—Безъ сомнѣнія, ихъ невѣжество и, въ значительной степени, ихъ политическіе и религіозные предразсудки, при помощи которыхъ заинтересованные въ этомъ классы стараются затемнять ихъ природное сознаніе и умъ. Какимъ же образомъ разсѣять ихъ невѣжество, какъ разрушить ихъ гибельные предразсудки? Посредствомъ образованія и пропаганды?

Это, конечно, прекрасное средство. Но при существующемъ положеніи рабочихъ массъ они недостаточны. Рабочій слишкомъ задавленъ трудомъ и ежедневными заботами, чтобы удѣлять достаточное время для образованія. Да и кто, впрочемъ, будетъ вести эту пропаганду? Тѣ немногіе искренніе соціалисты, вышедшіе изъ буржуазіи, которые, несомнѣнно полные благородныхъ желаній,—съ одной стороны, въ силу своей немногочисленности, не могутъ придать пропагандѣ необходимую широту, а съ другой стороны, принадлежа по своему соціальному положенію къ иному міру, не могутъ имѣть на рабочую среду должнаго вліянія, возбуждая при этомъ къ себѣ ея болѣе или менѣе справедливое недовѣріе.

„Освобожденіе рабочихъ есть дѣло самихъ рабочихъ“ сказано въ предисловіи къ нашимъ общимъ статутамъ. Это тысячу разъ правда. Это главная основа нашего великаго Союза. Но рабочіе въ большинствѣ случаевъ невѣжественны, они еще пока совершенно не владѣютъ теоріей. Слѣдовательно имъ остается только одинъ путь, *путь практическаго освобожденія* Какова же можетъ и должна быть эта практика? Существуетъ только одна: это—солидарная борьба рабочихъ противъ хозяевъ. *Это—синдикаты организація, организаціи и федерація кассъ сопротивленія.*

III.

Если Интернаціоналъ въ началѣ проявляетъ снисходительность къ пагубнымъ и реакціоннымъ идеямъ въ области политики и религіи, которыя могутъ быть у рабочихъ, входящихъ въ его среду, то это вовсе не въ силу безразличнаго отношенія къ этимъ идеямъ. Это нельзя назвать равнодушіемъ, такъ какъ онъ ненавидитъ и отталкиваетъ ихъ всѣми силами, такъ какъ всякая реакціонная идея является разрушеніемъ самаго принципа Интернаціонала, какъ это было доказано въ предыдущихъ статьяхъ.

Подобная снисходительность, повторяемъ еще разъ, внушена ему глубокой мудростью. Зная прекрасно, что всякій дѣйствительный рабочій является соціалистомъ въ силу условій, необходимо присущихъ его бѣдственному существованію, и, что его реакціонныя идеи могутъ быть только слѣдствіемъ его невѣжества, Интернаціоналъ разсчитываетъ, что рабочій можетъ освободиться отъ нихъ при помощи коллективнаго опыта, который онъ пріобрѣтетъ въ лонѣ Интернаціонала, а главное, благодаря развитію коллективной борьбы рабочихъ противъ хозяевъ.

Дѣйствительно, разъ рабочій, начиная вѣрить въ возможность радикальнаго переустройства экономическаго строя, совмѣстно со своими товарищами принимается горячо бороться за уменьшеніе рабочаго времени и увеличеніе заработной платы, когда онъ начинаетъ сильно заинтересовываться этой чистой матеріальной борьбой, можно съ увѣренностью сказать, что въ скоромъ времени этотъ рабочій покинетъ всѣ свои небесныя мечтанія и, что, привыкая все болѣе и болѣе разсчитывать на коллективныя силы рабочихъ, онъ долженъ будетъ отказаться отъ помощи неба. Мѣсто религіи въ его умѣ займетъ соціализмъ. Также

будетъ и съ его реакціонными политическими взглядами. Они утратятъ свою главную опору, по мѣрѣ того, какъ сознаніе рабочаго станетъ освобождаться отъ религіознаго давленія. Съ другой стороны, экономическая борьба, развиваясь и расширяясь все болѣе и болѣе, заставитъ его узнать на практикѣ и посредствомъ коллективнаго опыта, всегда являющагося поучительнѣе и шире всякаго отдѣльнаго опыта, своихъ настоящихъ враговъ — привиллегированные классы, включая сюда духовенство, буржуазію, дворянство и государство. Это послѣднее существуетъ только для того, чтобы блюсти привиллегіи всѣхъ этихъ классовъ и всегда неизбѣжно становится на ихъ сторону противъ пролетаріата.

Рабочій, вступивъ такимъ образомъ въ борьбу, въ концѣ концовъ пойметъ существующій непримиримый антагонизмъ между этими оплотами реакціи и своими самыми дорогими для него человѣческими интересами; и, дойдя до этой степени сознанія, онъ ясно и опредѣленно заявитъ себя соціалистомъ и революціонеромъ.

Не такъ дѣло обстоитъ съ буржуазіей. Всѣ ея интересы противоположны экономическому переустройству общества, и если идеи ея тоже противорѣчатъ этому переустройству и если онѣ реакціонны, или, какъ теперь выражаются болѣе вѣжливо, умѣренны; если умъ и сердце ея отталкиваютъ тотъ великій актъ справедливости и освобожденія, который мы называемъ соціальной революціей; если эти буржуа питаютъ отвращеніе къ истинному соціальному равенству, т. е. къ равенству политическому, соціальному и экономическому одновременно; если въ глубинѣ души они хотятъ сохранить для самихъ себя, для своего класса или для своихъ дѣтей, хотя бы одну единственную привиллегію, хотя бы только привиллегію ума, какъ это мы видимъ у буржуазныхъ соціалистовъ; если они не возненавидятъ не только всей логикой своего ума, но и всей силой своего чувства, существующій порядокъ

вещей,—тогда можно быть увѣреннымъ, что они останутся реакціонерами, врагами рабочаго дѣла на всю жизнь. И ихъ нужно отстранить отъ Интернаціонала.

Ихъ надо держать отъ Интернаціонала какъ можно дальше, такъ какъ, проникая туда, они не могутъ имѣть другой цѣли, какъ произвести деморализацію въ его средѣ и свести его съ истиннаго пути. Впрочемъ, есть безошибочный признакъ, по которому рабочіе могутъ узнать, приходитъ ли къ нимъ буржуа, желающій быть принятымъ въ ихъ ряды, искренно, безъ тѣни фальши, безъ малѣйшей задней мысли. Этимъ признакомъ служитъ та связь, которую онъ сохранилъ съ буржуазнымъ міромъ.

Антагонизмъ, существующій между рабочимъ міромъ и буржуазіей, принимаетъ все болѣе и болѣе рѣзкій характеръ. Всякій серьезно думающій человѣкъ, чувства и представленія котораго не искажены вліяніемъ, часто безсознательнымъ, пристрастныхъ софистовъ, долженъ въ настоящее время понимать, что никакое примиреніе между рабочими и буржуазіей немыслимо. Рабочіе хотятъ равенства, буржуазія — неравенства. Ясно, что одно уничтожаетъ другое. Поэтому огромное большинство буржуазіи, капиталистовъ и собственниковъ, имѣющихъ смѣлость откровенно заявить о своихъ желаніяхъ, показываютъ съ такой же искренностью и смѣлостью свою ненависть къ современному движенію рабочаго класса. Это—враги рѣшительные и искренніе; ихъ мы знаемъ, и это хорошо.

Но есть другая категорія буржуа, которые не обладаютъ ни подобной смѣлостью, ни подобной искренностью. Являясь врагами соціальной ломки, къ которой мы стремимся всей силой нашей души, какъ къ великому акту справедливости, какъ къ необходимому исходному пункту и необходимому основанію раціональной и равноправной организаціи общества, эти буржуа, какъ и всѣ другіе, хотятъ сохранить экономическое неравенство, этотъ вѣчный источникъ всѣхъ прочихъ

неравенствъ. И въ тоже время они утверждаютъ, что, какъ и мы, они стремятся къ полному освобожденію трудящихся и труда. Они отстаиваютъ съ увлеченіемъ, достойнымъ самыхъ реакціонныхъ буржуа, самую причину рабства пролетаріата,—отдѣленіе труда отъ недвижимой или капиталистической собственности, представителями которой являются различные классы. И несмотря на это, они выступаютъ апостолами освобожденія рабочаго класса изъ подъ гнета собственности и капитала!

Обманываются ли они сами, или другихъ обманываютъ? Нѣкоторые искренно ошибаются; многіе обманываютъ другихъ; огромное большинство въ одно и то же время и сами обманываются, и другихъ обманываютъ. Всѣ принадлежатъ къ разряду радикальныхъ буржуа и буржуазныхъ соціалистовъ, которые основали „Лигу Мира и Свободы"!

Соціалистическая ли эта Лига?—Вначалѣ и въ теченіе перваго года своего существованія, она, какъ мы уже имѣли случай указать, съ ужасомъ отвращивалась отъ соціализма. Въ прошломъ году на своемъ конгрессѣ въ Бернѣ, она торжественно отвергла принципъ экономическаго равенства. Теперь же, чувствуя приближеніе смерти и желая еще немного продлить свое существованіе, понявъ наконецъ, что отнынѣ никакая политическая жизнь немыслима безъ соціальнаго вопроса, она называетъ себя соціалистической: она стала буржуазно-соціалистической, а это означаетъ, что она хочетъ на основѣ *экономическаго неравенства* разрѣшить всѣ соціальные вопросы. Она хочетъ, она должна сохранить процентъ на капиталъ и земельную ренту, и она думаетъ вмѣстѣ съ этимъ освободить рабочихъ. Она хочетъ воплотить абсурдъ.

Зачѣмъ ей понадобилось это дѣлать? Что заставило ее предпринять столь безсмысленное, столь безплодное дѣло? Не трудно это понять.

Значительная часть буржуазіи устала отъ господства

цезаризма и милитаризма, вызваннаго ею же самой въ 1848 году изъ страха передъ пролетаріатомъ. Вспомните только іюньскіе дни, предвѣстники декабрьскихъ; вспомните національное Собраніе, которое послѣ іюньскихъ дней, единогласно, за исключеніемъ одного члена, покрыло руганью и проклятьями великаго и, можно сказать, героическаго соціалиста Прудона, единственнаго человѣка, имѣвшаго смѣлость бросить соціалистическій вызовъ этому бѣшеному стаду буржуевъ—консерваторовъ, либераловъ и радикаловъ. Не нужно забывать, что среди всѣхъ этихъ ругателей Прудона есть масса гражданъ, еще живущихъ теперь, которые, попавши въ огонь декабрьскихъ преслѣдованій, съ тѣхъ поръ сдѣлались мучениками свободы.

Слѣдовательно, безъ всякаго сомнѣнія, буржуазія—вся цѣликомъ, включая сюда и радикальную буржузію—не была въ собственномъ смыслѣ слова творцомъ цезаристскаго деспотизма и милитаризма, результаты которыхъ она въ настоящее время оплакиваетъ. Воспользовавшись ими противъ пролетаріата, она хотѣла бы теперь избавиться отъ нихъ. Нѣтъ ничего естественнѣе; этотъ режимъ ее унижаетъ и развращаетъ. Но какъ отъ нихъ избавиться? Нѣкогда она была смѣла и рѣшительна, за ней была сила побѣдъ; теперь, она труслива и слаба: она чувствуетъ, что одна она ничего сдѣлать не въ состояніи, поэтому ей нужна помощь. Эту помощь можетъ оказать только пролетаріатъ,—слѣдовательно, его нужно привлечь на свою сторону.

Но какъ его привлечь? Обѣщаніемъ свободы и политическаго равенства? Это—слова, которыя не трогаютъ больше рабочихъ. Они научились дорогой цѣной, они поняли тяжкимъ опытомъ, что эти слова ничего иного для нихъ не означаютъ, какъ сохраненіе рабства экономическаго, часто даже болѣе тяжелаго, чѣмъ было оно раньше. Если, стало быть, вы хотите затронуть чувство этихъ несчастныхъ милліоновъ рабовъ труда, то говорите имъ объ экономическомъ освобож-

деніи. Нѣтъ больше ни одного рабочаго, который бы не зналъ теперь, что это является для него единственнымъ серьезнымъ и реальнымъ основаніемъ всѣхъ другихъ освобожденій. Слѣдовательно, имъ нужно говорить объ экономическихъ преобразованіяхъ общества.

Ну, что-жъ, сказали себѣ члены Лиги Мира и Свободы, будемъ говорить объ этомъ, назовемъ себя тоже соціалистами. Будемъ обѣщать имъ экономическія и соціальныя реформы, но съ условіемъ, чтобы они уважали основы цивилизаціи и буржуазнаго всемогущества: частную и наслѣдственную собственность, процентъ на капиталъ, земельную ренту. Убѣдимъ ихъ, что только при этихъ условіяхъ, которыя, впрочемъ обезпечиваютъ намъ господство, а рабочимъ рабство, рабочій можетъ быть освобожденъ.

Убѣдимъ ихъ еще въ томъ, что для осуществленія всѣхъ соціальныхъ реформъ, нужно прежде всего совершить хорошую политическую революцію, исключительно политическую, такую красную, какую имъ только будетъ угодно, съ политической точки зрѣнія, — съ массой отрубленныхъ головъ, если это будетъ необходимо, — но съ сохраненіемъ полнѣйшаго уваженія къ священной собственности. Однимъ словомъ, чисто якобинскую революцію, которая сдѣлаетъ насъ господами положенія. А разъ мы окажемся хозяевами положенія, то мы дадимъ рабочимъ то... что мы сможемъ и что захотимъ дать.

Это безошибочный признакъ, по которому рабочіе могутъ узнать фальшиваго соціалиста, соціалиста буржуазнаго: если, говоря имъ о революціи, или о соціальномъ переворотѣ, онъ говоритъ имъ, что политическій переворотъ *долженъ предшествовать* перевороту экономическому; если онъ отрицаетъ, что объ эти революціи должны совершиться одновременно, или, что политическая революція не должна быть ничѣмъ инымъ какъ только немедленнымъ и прямымъ осуществленіемъ полной и всецѣлой соціальной ликвидаціи,—пусть ра-

бочіе повернутъ ему спину, потому что или онъ просто глупъ, или лицемѣрный эксплуататоръ.

Международный союзъ рабочихъ, дабы остаться вѣрнымъ своему принципу и не сойти съ единственнаго пути, который можетъ довести его до цѣли, долженъ остерегаться главнымъ образомъ вліянія двухъ родовъ буржуазныхъ соціалистовъ: сторонниковъ буржуазной кооперації, или такъ называемыхъ практическихъ людей. Разсмотримъ сперва первыхъ.

Экономическое освобожденіе, сказали мы въ предыдущемъ номерѣ, *) есть основа всякаго другого освобожденія. Мы резюмировали въ этихъ словахъ всю политику Интернаціонала.

Дѣйствительно, въ предпосылкахъ къ статутамъ мы читаемъ слѣдующее заявленіе:

„*Подчиненіе труда капиталу есть источникъ всякаго рабства*: *политическаго, нравственнаго и матеріальнаго*, и по этой причинѣ, экономическое освобожденіе рабочихъ есть великая цѣль, которой должно быть подчинено всякое политическое движеніе".

Само собою разумѣется, что всякое политическое движеніе, которое не ставитъ непосредственной и прямой цѣлью *окончательное полное* экономическое освобожденіе рабочихъ и которое не начертало на своемъ знамени ясно и опредѣленно принципъ *экономическаго равенства*, означающаго *полное возвращеніе капитала труду или же соціальную ликвидацію*, что всякое такое политическое движеніе есть буржуазное и, какъ таковое, должно быть исключено изъ Интернаціонала.

Слѣдовательно, безъ всякаго сожалѣнія должна быть исключена политика буржуазныхъ демократовъ или буржуазныхъ соціалистовъ, которые, заявляя, что „политическая свобода есть *предварительное* условіе эко-

*) Настоящая статья печаталась въ выше названной газетѣ Egalitè. въ 1869 году.

номическаго освобожденія", могутъ понимать подъ этими словами лишь слѣдующее: реформы или революціи политическія должны предшествовать реформамъ или революціямъ экономическимъ; рабочіе должны слѣдовательно, войти въ союзъ съ буржуазіей, болѣе или менѣе, радикальной для совершенія вмѣстѣ съ ней сперва первыхъ, чтобы потомъ произвести противъ нея послѣднія.

Мы громко протестуемъ противъ этой пагубной теоріи, которая можетъ привести рабочихъ только къ тому, чтобы заставить ихъ лишній разъ служить орудіемъ противъ себя самихъ и предоставить ихъ снова буржуазной эксплуатаціи.

Завоевать политическую свободу *сначала*—означаетъ ни что иное, какъ завоевать сначала ее одну, оставляя, по крайней мѣрѣ въ первые дни, прежними экономическія и соціальныя отношенія, т. е. сохраняя собственность и капиталистовъ, дерзко выставляющихъ свои богатства, и рабочихъ съ ихъ нищетой.

Но, говорятъ, разъ эта свобода будетъ завоевана, она послужитъ рабочимъ орудіемъ въ дѣлѣ завоеванія впослѣдствіи *равенства или экономической справедливости.*

Свобода, дѣйствительно, прекрасное и могущественное орудіе; но вопросъ въ томъ, могутъ ли рабочіе дѣйствительно воспользоваться ей, будетъ ли она дѣйствительно въ ихъ рукахъ, или же какъ это было всегда до сихъ поръ, ихъ *политическая свобода* будетъ только обманчивой внѣшностью, фикціей.

Рабочій, которому въ его настоящемъ экономическомъ положеніи стали бы говорить о политической свободѣ, могъ бы отвѣтить припѣвомъ извѣстной пѣсни:

Не говорите о свободѣ,
Нищета есть рабство!

И дѣйствительно, надо быть влюбленнымъ въ иллюзію, чтобы воображать, что рабочій при тѣхъ экономическихъ условіяхъ, въ которыхъ онъ теперь находится, сможетъ полностью и дѣйствительнымъ образомъ вос-

пользоваться своей политической свободой? Ему недостаетъ для этого двухъ маленькихъ вещицъ: досуга и матеріальныхъ средствъ.

Впрочемъ не видѣли ли мы это во Франціи на другой день послѣ революціи 1848 года, революціи, наиболѣе радикальной, которую только можно пожелать съ политической точки зрѣнія.

Французскіе рабочіе, конечно, не были ни равнодушными ни безтолковыми и несмотря на самое широкое всеобщее избирательное право, они должны были предоставить буржуазіи свободу дѣйствій. Почему? Потому что имъ недоставало матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для того, чтобы политическая свобода стала реальностью, потому что они оставались рабами труда подъ угрозой голода, въ то время какъ буржуа-радикалы, либералы и даже консерваторы,—одни уже республиканцы, другіе, ставшіе ими потомъ, разъѣзжали, агитировали, говорили, дѣйствовали и конспирировали свободно, кто благодаря своимъ доходамъ или выгодному буржуазному положенію, а кто благодаря государственному бюджету, который, конечно, былъ сохраненъ и даже увеличенъ больше чѣмъ когда либо.

Изоѣстно, что вышло отсюда: сначала іюньскіе дни, потомъ какъ необходимое слѣдствіе, декабрьскіе.

Но скажутъ намъ, рабочей, наученные опытомъ не пошлютъ больше буржуа въ учредительныя и законодательныя собранія, они пошлютъ туда простыхъ рабочихъ: какъ бы они ни были бѣдны, они могутъ дать необходимое содержаніе своимъ депутатамъ. Знаете ли, что изъ этого выйдетъ? То, что рабочіе-депутаты, попавшіе въ условія буржуазнаго существованія и въ атмосферу чисто буржуазныхъ политическихъ идей, фактически, переставъ быть рабочими, становясь людьми государственными, сдѣлаются буржуями и, быть можетъ, станутъ буржуазнѣе самихъ буржуа. Не люди создаютъ положеніе, а наоборотъ, положеніе — людей. А мы знаемъ по опыту, что *рабочій-буржуа* бываетъ

часто не менѣе эгоистиченъ чѣмъ *буржуа-эксплуататоръ;* не менѣе вреденъ для Союза, чѣмъ буржуа-соціалисты; не менѣе смѣшнымъ въ своемъ чванствѣ, чѣмъ облагороженные буржуа.

Чтобы ни дѣлали и ни говорили, до тѣхъ поръ пока рабочій останется при настоящихъ условіяхъ существованія, для него будетъ немыслима свобода и тѣ, которые зовутъ его къ завоеванію политической свободы, не касаясь предварительно жгучихъ вопросовъ соціализма, не произнося словъ *„соціальная ликвидація"*, заставляющихъ блѣднѣть всѣхъ буржуа, тѣ просто говорятъ рабочему: добудь сначала эту свободу для насъ, чтобы мы потомъ могли воспользоваться ею противъ тебя.

Но вѣдь у нихъ добрыя и искреннія намѣренія, у этихъ радикальныхъ буржуа, скажутъ намъ. — Нѣтъ такихъ добрыхъ и искреннихъ намѣреній, которыя могли бы устоять противъ вліянія положенія, и такъ какъ мы сказали, что даже рабочіе, попавшіе въ буржуазныя условія неизбѣжно, становятся буржуями, то тѣмъ болѣе буржуа, оставшіеся въ этихъ условіяхъ, останутся буржуями.

Если буржуа, охваченный страстнымъ желаніемъ справедливости, равенства и гуманности, хочетъ серьезно трудиться надъ освобожденіемъ пролетаріата, пусть онъ начнетъ съ того, что порветъ съ буржуазіей всѣ свои политическія и соціальныя связи, всякія отношенія, возникшія на почвѣ матеріальныхъ или умственныхъ интересовъ, на почвѣ чувства и тщеславія. Пусть онъ пойметъ сначала, что никакое примиреніе невозможно между пролетаріатомъ и этимъ классомъ, который, живя только эксплуатаціей .другихъ, является естественнымъ врагомъ пролетаріата.

Отойдя окончательно отъ буржуазнаго міра, пустъ онъ станетъ подъ знамя рабочихъ, на которомъ написаны слѣдующія слова: „Справедливость, Равенство и Свобода для всѣхъ. Уничтоженіе классовъ посредствомъ

экономическаго уравненія всѣхъ. Соціальная ликвидація". — Онъ будетъ желаннымъ гостемъ. Что же касается буржуазныхъ соціалистовъ и рабочихъ-буржуа, которые будутъ говорить намъ о соглашеніи между буржуазной политикой и соціализмомъ рабочихъ, мы можемъ только дать такой совѣтъ послѣднимъ: отойти отъ нихъ.

Такъ какъ буржуазные соціалисты стараются въ настоящее время организовать, пользуясь *приманкой соціализма*, громадную рабочую агитацію, для завоеванія политической свободы, которой, какъ мы только что видѣли, воспользуется только буржуазія; такъ какъ рабочія массы, дошедшія до истиннаго пониманія своего положенія, озаренныя и движимыя принципомъ Интернаціонала, дѣйствительно организуются и начинаютъ представлять дѣйствительную силу, не національную, а интернаціональную и не для того, чтобы дѣлать буржуазное дѣло, а свое собственное; такъ какъ даже для того, чтобы осуществить буржуазный идеалъ полной политической свободы съ республиканскими учрежденіями, необходима революція; а никакая революція не можетъ восторжествовать безъ содѣйствія народной силы, — нужно, чтобы эта сила, переставъ загребать жаръ для господъ буржуа, стала служить отнынѣ только торжеству народнаго дѣла, дѣлу всѣхъ тѣхъ, кто трудится, противъ всѣхъ тѣхъ, кто эксплуатируетъ чужой трудъ.

Международный Союзъ Рабочихъ, вѣрный своему принципу, никогда не протянетъ руки политической агитаціи, не имѣющей своей непосредственной и прямой цѣлью — *полное экономическое освобожденіе рабочихъ*, т. е., уничтоженіе буржуазіи, какъ класса экономически обособленнаго отъ массы, и не поможетъ никакой революціи, которая съ перваго же дня, съ перваго же часа не начертаетъ на своемъ знамени — *соціальная ликвидація*.

Но революціи не импровизируются. Онѣ не дѣлаются

по волѣ ни отдѣльныхъ личностей, ни даже самыхъ могущественныхъ ассоціацій. Онѣ, независимо отъ всякой воли и отъ всякой конспираціи, всегда происходятъ въ силу хода самихъ вещей. Ихъ можно предвидѣть, иногда предчувствовать ихъ приближеніе, но никогда нельзя ускорить ихъ взрывъ.

Убѣжденные въ этой истинѣ, мы ставимъ себѣ вопросъ: какой политикѣ долженъ слѣдовать Интернаціоналъ въ теченіи этого болѣе или менѣе длиннаго періода времени, отдѣляющаго насъ отъ той ужасной соціальной революціи, которую всѣ мы теперь предчувствуемъ?

Отбрасывая согласно своимъ статутамъ всякую національную и мѣстную политику, Интернаціоналъ придастъ рабочей агитаціи всѣхъ странъ характеръ *исключительно экономическій*. Ставя какъ цѣль: уменьшеніе рабочаго времени и увеличеніе заработной платы; какъ средство: *объединеніе рабочихъ массъ* и организацію *кассъ сопротивленія*.

Онъ будетъ пропагандировать свои принципы, такъ какъ эти принципы, будучи чистѣйшимъ выраженіемъ коллективныхъ интересовъ рабочихъ всего міра, являются его душой и составляютъ всю жизненную силу Союза. Онъ поведетъ хорошо эту пропаганду, не считаясь съ буржуазной щекотливостью, чтобы каждый рабочій, выходя изъ состоянія умственной и нравственной неподвижности, въ которой его стараются удержать, понялъ положеніе дѣлъ и зналъ, что онъ долженъ хотѣть и при какихъ условіяхъ можетъ завоевать себѣ человѣческія права.

Онъ долженъ будетъ вести эту пропаганду тѣмъ болѣе искренно и энергично, что въ немъ самомъ мы часто наталкиваемся на такія вліянія, которыя, показывая свое презрѣніе къ этимъ принципамъ, хотѣли бы заставить ихъ сойти за ненужную теорію и стараются вернуть рабочихъ къ политическому, экономическому и религіозному катехизису буржуазіи.

Онъ, наконецъ расширится и прочно организуется, переступивъ границы всѣхъ странъ, чтобы въ моментъ, когда наступившая революція, въ силу естественнаго хода вещей, вспыхнетъ, нашлась реальная сила, знающая, что она должна дѣлать, и въ силу этого, способная взять революцію въ свои руки и придать ей направленіе, спасительное для народа: серьезная международная организація рабочихъ союзовъ всѣхъ странъ, способная замѣнить этотъ отходящій политическій міръ государствъ и буржуазіи.

Мы заканчиваемъ это точное изложеніе политики Интернаціонала воспроизведеніемъ послѣдняго параграфа предпосылокъ къ нашимъ общимъ статутамъ:

„Движеніе, совершающееся среди рабочихъ промышленныхъ странъ Европы, пробуждая новыя надежды, даетъ торжественное предупрежденіе не впадать въ старыя ошибки".

М. Бакунинъ.

1869 г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СВОБОДА".

Поступили въ продажу слѣдующія изданія

Петръ Кропоткинъ. Анархія, ея философія и идеалъ. . . . . 20 коп.

Его же. Безначальный Коммунизмъ и Экспропріація. . . . . 12 коп.

Его же. Узаконенная месть, именуемая правосудіемъ. . . . . 7 коп.

Его же. Русскій Рабочій Союзъ. . . . . 3 коп.

В. Черкезовъ. Доктрины Марксизма. Наука ли это? Расколъ среди Соціалистовъ государственниковъ. . . . . 25 коп.

Жерминаль. . . . . . 2 коп.

Михаилъ Бакунинъ. Политика Интернаціонала. 10 коп.

Его же. Организація Интернаціонала. 7 коп.

Элизе Реклю. Эволюція, Революція и идеалъ анархизма.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Петръ Кропоткинъ. Хлѣбъ и Воля.

Его же. Государство и его роль въ исторіи.

Его же. Рѣчи бунтаря.

Его же. Мораль анархизма.

Доменлла Ньювенгейсъ. Соціализмъ въ опасности.

Его же. Исторія соціализма.

Жанъ Гравъ. Умирающее Общество и Анархія.

Ралли. Парижская Коммуна.